

момент смерти чудовища. В этом мы вновь находим объяснение предположения о Змее как о носителе поэтического слова. Резкая остановка течения стихотворной речи, по нашему мнению, – минус-прием, сам по себе уже изображающий смерть.

Мы видим, что Гумилев в раннем своем творчестве на материале греческой мифологии создает стихотворения, модели которых использует позднее уже на материале славянской мифологии. Все рассмотренные нами стихотворения оказываются тесно связаны между собой темой творчества и поэзии, что заставляет говорить о близости категорий «мифа» и «творчества» в поэтической системе Н. Гумилева.

Список литературы

Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / Николай Гумилев. – Т. 3 : Стихотворения. Поэмы (1914–1918). – М. : Воскресенье, 1999. – 464 с.

Гумилев Н.С. Сочинения : в 3 т. / Николай Гумилев. – Т. 1. – М. : Художественная литература, 1991а. – 590 с.

Гумилев Н.С. Сочинения : в 3 т. / Николай Гумилев. – Т. 3. – М. : Художественная литература, 1991б. – 428 с.

Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Осип Мандельштам. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2001. – 894 с.

Налегац Н. Мотив змеборчества в поэзии Н.С. Гумилева [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gumilev.ru/about/46> (дата обращения: 15.05.2011).

Прокл. Первоосновы теологии. Гимны / Прокл ; сост. А.А. Тахо-Годи. – М. : Прогресс, 1993. – 315 с.

Пропт В.Я. Русский героический эпос / В.Я. Пропт. – 2-е изд., испр. – М. : Гослитиздат, 1958. – 603 с.

Тахо-Годи А.А. Греческая мифология / А.А. Тахо-Годи. – М. : Искусство, 1989. – 301 с.

Шталь И.В. Художественный мир гомеровского эпоса / И. В. Шталь. – М. : Наука, 1983. – 296 с.

САТИРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1940–50-Х ГОДОВ

П.Д. Достовалова

*Научный руководитель: Е.К. Созина,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)*

Анализируя творчество литературного объединения Уральского университета, невозможно обойти вниманием тексты, которые требовали от авторов склонности к импровизации и чувства юмора. Это произведения сатирического характера, к которым не только исследователи, но сами авторы в силу «несерьезности» творения обычно относятся не очень серьезно.

Над чем смеялись студенты 1940–50-х годов, мы можем узнать не только из текстов, опубликованных в университетской газете «Сталинец», но и по тем запискам, которые сохранились в музее истории Уральского университета. Именно записки представляются нам более ценным материалом, поскольку в них в наибольшей степени проявилась способность студентов к импровизации, а сами тексты не подвергались правке и внутренней цензуре, поскольку не были опубликованы.

Чаще всего неопубликованные тексты – это эпиграммы на преподавателей:

Сидит, как жена Маяковского,
Доцентша Гладковская
Развалившись, как бог, сидит она,
Неприступная и сердитая [Архив музея истории Уральского университета].

Данная эпиграмма посвящена преподавателю литературы Лидии Арсеньевне Гладковской, которая руководила литературным объединением в военное время. Текст лишен озлобленности, с помощью детали (в данном случае – манеры Лидии Арсеньевны сидеть) автор раскрывает некоторые, особенно запоминающиеся студентам черты ее характера.

С большей резкостью написана другая эпиграмма, адресованная преподавателю истории Юдикису:

Его, наверно, откопали
Среди египетских гробниц.
Он сух, как вобла, бледнолиц.
Полезен здесь он?
О, едва ли! [Архив музея истории Уральского университета]

Этот текст отличается от предыдущего своей оценкой «объекта» осмеяния. В последних строках автор указывает на то, что считает адресата плохим преподавателем, причина этому – сухость преподавания, неэмоциональность.

В каждом тексте благодаря отсылкам к культурным феноменам сразу угадывается предмет, к которому имеет отношение адресат: в эпиграмме на преподавателя литературы упоминается фамилия Маяковского, а преподаватель истории сравнивается с египетской мумией. Использование аллюзий в текстах говорит об эрудиции авторов.

Эпиграммы написаны довольно прямолинейно и вместе с тем с тонким чувством юмора, подмечающим детали (манеру сидеть, бледный цвет лица, «сухость»). Упомянутые тексты, записанные студентами на листочке, не предназначались для публикации и были известны только узкому кругу лиц.

Существовали и другие сатирические тексты: они были рассчитаны на широкую аудиторию, публиковались в университетской газете и

ставили перед собой конкретные цели – высмеять нерадивых студентов.

Так, на страницах газеты «Уральский университет» (ранее – «Сталинец») в 1956 году мы видим фельетон студента журфака Ф. Овчаренко «Гриня Гулькин – журналист», где автор высмеивает непрофессионализм:

«В детстве он выпиливал лобзиком узоры из ненужной фанеры. Что-то получалось. И мама всем знакомым, захлебываясь, сообщала:

– У Грини художественный нюх. Ребенок непрерывно творит! Сам Бетховен не смог бы достичь такого совершенства!..

Мама почему-то считала, что великий немецкий композитор творил в основном лобзиком» [Овчаренко 1956: 5].

Главный герой вырос, со временем в нем «окрепла вера в свои задатки». Гриня берется берется за несколько дел одновременно, пытается писать романы, пьесы, мистерии... все остается незаконченным, а газетные строки так и не даются. Автор отмечает, что это далеко не единственный случай, когда непрофессионал приходит в профессию: «Одних гулькиных прибил к причалу отделения гонорарный ветер. Других – вихрь недомыслия. Третьих – шквал графомании». Главная категория, указывающая на то, хороший человек или плохой, – категория пользы для общества («Пользы от этого газетному делу – с гулькин нос!»). Гулькин, пытающийся заниматься не своим делом и уверенный в своем таланте, представляется смешным.

Другого героя, тоже достойного осмеяния, мы встречаем в памфлете Ю. Леонова «А вы Тишкина не знаете?». Ничем не примечательный студент, заискивающий перед преподавателями и не имеющий своего мнения, с первого взгляда вызывает уважение своих однокурсников, даже становится профоргом курса. Самый главный недостаток Тишкина – его бездеятельность, сочетающаяся со стремлением к руководящим постам. Это то, что высмеивается Леоновым в памфлете.

Герой безынициативный и бесполезный заслуживает только должности управдома: «Руководит истопниками, уборщицами. И об одном, говорят, только жалеет: зачем пять лет зря потерял» [Леонов 1955: 4].

Подобные тексты часто встречались на страницах студенческой газеты и выполняли воспитательную функцию – призывали студентов быть активными, полезными для коллектива.

Опубликованные сатирические тексты написаны в рамках советской идеологии и обличают те черты человеческого характера, которые представлялись недопустимыми государству. Человек рассматривался в социальном контексте и оценивался с точки зрения его пользы для общества.

Тексты из университетской газеты отличаются от того, что было

написано студентами 1940–50-х годов для узкого круга товарищей. Если в изданных фельетонах и памфлетах авторы создают обобщенные образы (Гриня Гулькин, Тишкин и др.) и смеются над пороками студентов, то в личных записках персонажи индивидуализированы, конкретны. Поводом для смеха становятся в каждом случае разные и абсолютно определенные черты конкретного человека.

Список литературы

Архив музея истории Уральского университета, личное дело Л.А. Гладковской.

Достовалова П.Д. Литературное объединение Уральского университета 1930-х гг. и творчество Владислава Занадворова / П.Д. Достовалова // Литература Урала: история и современность. – Вып. 5 : Национальные образы мира в региональной проекции. – Екатеринбург, 2010. – С. 362-370.

Достовалова П.Д. Литературное объединение Уральского Государственного университета в 1940-е гг. / П.Д. Достовалова // Литература Урала: история и современность. – Вып. 6 : Историко-литературный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. – Екатеринбург, 2011. – С. 391-398.

Леонов Ю. А вы Тишкина знаете? / Ю. Леонов // Сталинец. – 1955. – 17 декабря.

Овчаренко Ф. Гриня Гулькин – журналист / Ф. Овчаренко // Уральский университет. 1956. 6 мая.

ПОВЕСТЬ И.А. БУНИНА «СУХОДОЛ» В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЮ КРИТИКОВ

А.В. Кавунова

*Научный руководитель: Н.В. Пращерук,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)*

И.А. Бунин начал писать повесть «Суходол» летом 1911 года в имении Васильевском Орловской губернии, принадлежащем двоюродной сестре писателя С.Н. Пушешниковой. Бунин сообщил корреспонденту газеты «Московская весть» (1911, № 3, 12 сентября), что им написана первая часть большой повести-романа под заглавием «Суходол». Работу над ней писатель завершил в декабре 1911 года, во время своего пребывания в Италии, на Капри.

Впервые «Суходол» был опубликован в журнале «Вестник Европы» в апреле 1912 года.

Новая повесть И.А. Бунина закрепила успех, достигнутый «Деревней», и вызвала новую волну критических откликов. Реакция на это произведение была неоднородной, однако в целом отзывы были положительными. Есть свидетельства, что «Суходол» очень понравился М.А. Горькому, а присутствующий при чтении рукописи М.М. Коцюбинский сравнил произведение И.А. Бунина со «старинным